

УДК 347.91/.95
ББК 67.410

ПРАВОВАЯ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ КАК ОЦЕНОЧНАЯ КАТЕГОРИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

И. В. Рехтина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

М. А. Боловнев

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Исследуется место категории «правовая определенность» в системе оценочных понятий, используемых в рамках гражданского судопроизводства. На основе анализа постановлений Европейским Судом по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации раскрывается разнообразие в толковании и применении категории «правовая определенность». Акцентируется внимание на многоаспектном характере правовой определенности. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод о многомерности понятия «правовая определенность», многообразии аспектов и значений, вкладываемых в данное явление. Исследуются вопросы использования и применения при рассмотрении гражданских дел оценочных понятий, закрепленных в нормативных актах, раскрывающихся в судебной практике и доктрине. Авторами предлагается собственная классификация оценочных категорий. Выделяется три группы оценочных понятий: оценочные категории, имеющие конкретизацию, общее толкование непосредственно в нормах процессуального кодекса; оценочные понятия, не имеющие нормативного определения, однако раскрывающиеся и конкретизирующиеся в судебных актах; оценочные категории, имеющие доктринальное толкование.

Ключевые слова: правовая определенность, оценочные понятия, Европейский Суд по правам человека, Конституционный Суд РФ, гражданский процесс, правоприменение.

LEGAL CERTAINTY AS AN EVALUATIVE CATEGORY IN CIVIL PROCEEDINGS

I. V. Rekhtina

Altai State University (Barnaul, Russia)

M. A. Bolovnev

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article examines the place of the category of “legal certainty” in the system of assessment concepts used in civil proceedings. Based on an analysis of the judgments of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation, the diversity of interpretation and application of the category “legal certainty” is revealed. Attention is focused on the multidimensional nature of legal certainty. This circumstance allows us to conclude that the concept of “legal certainty” is multidimensional, as well as the diversity of aspects and meanings that are invested in this phenomenon. The author explores the use and application in evaluating civil cases of appraisal concepts enshrined in regulatory acts, judicial practice and doctrine. The authors propose their own classification of assessment categories. Three groups of evaluation concepts are distinguished: evaluation categories that have a specificity, a general interpretation directly in the norms of the procedural code; evaluation concepts that do not have a normative definition, but which are disclosed and specified in judicial acts; evaluation categories having a doctrinal interpretation.

Keywords: legal certainty, evaluative concepts, European Court of Human Rights, Constitutional Court of the Russian Federation, civil procedure, law enforcement

С момента ратификации в 1998 г. в Российской Федерации Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Конвенция) и принятием первых постановлений Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), в которых констатировалось противоречие национального законодательства и нарушение национальным судом принципа правовой определенности («Рябых против РФ», «Праведная против РФ», «Денисов против РФ»), актуальным стал вопрос об определении и содержательном наполнении самого понятия «правовая определенность».

Ст. 6 Конвенции, гарантируя право на справедливое судебное разбирательство, текстуально не закрепляет понятие правовой определенности. Толкование данной категории в ее разнообразных аспектах последовательно раскрывается в многочисленных постановлениях ЕСПЧ, вынесенных против как России, так и иных государств. При этом в целях формирования полного представления о спектре проявлений и выявленных смыслов правовой определенности, выработанных ЕСПЧ, необходимо проанализировать не одно, а совокупность актов данного наднационального органа, что свидетельствует о многогранном характере данного правового явления [1, с. 22]. При отсутствии полного перечня нарушений, которые бы признавались ЕСПЧ нарушением принципа правовой определенности, оценка правовой определенности и констатация нарушения осуществляется ЕСПЧ в каждом отдельном случае применительно к жалобе конкретного заявителя. Это позволяет констатировать оценочный характер категории «правовая определенность» и необходимость анализа содержательного наполнения данного правового явления.

Прежде чем перейти к раскрытию оценочной категории «правовая определенность», необходимо разобраться в системе оценочных понятий гражданского процесса. Начать следует с констатации того, что жесткая регламентация гражданских процессуальных отношений, обусловленная требованиями гражданской процессуальной формы [2, с. 108], одновременно с их вариативностью и разнообразием предопределяют наличие в нормах процессуальных отраслей права оценочных понятий и категорий.

С одной стороны, данное обстоятельство повышает самостоятельность судей в выборе варианта поведения в тех или иных случаях и, соответственно, расширяет возможности применения судебного усмотрения, с другой — усложняет процесс правоприменения, поскольку допускает возможность разрешения различных ситуаций, возникающих в процесс, разнообразными, иногда противоположными способами. Законодатель не приветствует использование взаимоисключающих, диаметрально противоположных подходов при разрешении типичных процессуальных случаев с использованием оценочных категорий. Свобода судебного усмотрения при толковании оценочных понятий имеет определенные рамки и пределы, которые могут быть установлены законодательно, официальной судебной практикой, правовой доктриной.

Практика применения в рамках гражданского судопроизводства оценочных категорий свидетельствует, что отсутствие нормативных ориентиров или конкретизации понятия в актах высших судебных органов приводит к противоречивым судебным постановлениям, нарушает единообразие судебной практики и снижает уровень гарантий судебной защиты нарушенных прав и охраняемых законом интересов. В связи с чем законодателю при включении в процессуальные кодексы нормы, содержащей оценочную категорию, следует в общих чертах ее конкретизировать непосредственно в нормах ГПК РФ, либо рекомендовать Верховному Суду РФ сформулировать соответствующее разъяснение по данному вопросу. Непродуманное принятие процессуальных норм, содержащих оценочные понятия, порождает на практике правовые коллизии, пробелы и противоречия, множественность которых подрывает авторитет судебной власти и нарушает право на справедливое судебное разбирательство.

В рамках данной статьи уместно процитировать Р. фон Иеринга, который при формулировании законов юридической конструкции писал: «Чем проще конструкция, тем более совершенна она, т. е. тем она нагляднее, прозрачнее, естественнее; и здесь в наивысшей простоте сказывается наивысшее искусство» [3, с. 91].

Анализ норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) позволил выявить значительное количество оценочных категорий, что отчасти обусловлено разнообразием материальных и процессуальных отношений. Проведенный мониторинг имеющихся оценочных понятий позволил условно разделить их на три группы.

Группа 1 — это оценочные категории, имеющие конкретизацию, общее толкование непосредственно в нормах процессуального кодекса, что способствует унифицированному их применению

судьями (уважительность пропуска процессуального срока, необходимые доказательства, существенные нарушения норм права, фундаментальные нарушения норм права и др.).

Так, в ч. 4 ст. 112 ГПК РФ указывается, что пропущенный процессуальный срок, установленный соответственно ч. 2 ст. 376, ч. 2 ст. 391.2 и ч. 2 ст. 391.11, может быть восстановлен только в исключительных случаях, когда суд признает уважительными причины его пропуска по обстоятельствам, объективно исключающим возможность подачи кассационной или надзорной жалобы в установленный срок (тяжелая болезнь лица, подающего жалобу, его беспомощное состояние и др.).

Дополнительно данный вопрос конкретизируется в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2012 № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего производство в суде апелляционной инстанции», где указывается, что для лиц, участвующих в деле, к уважительным причинам пропуска указанного срока, в частности, могут быть отнесены: обстоятельства, связанные с личностью лица, подающего апелляционную жалобу (тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т. п.); получение лицом, не присутствовавшим в судебном заседании, в котором закончилось разбирательство дела, копии решения суда по истечении срока обжалования или когда времени, оставшегося до истечения этого срока, явно недостаточно для ознакомления с материалами дела и составления мотивированной апелляционной жалобы, представления; неразъяснение судом первой инстанции в нарушение требований ст. 193 и ч. 5 ст. 198 ГПК РФ порядка и срока обжалования решения суда; несоблюдение судом установленного ст. 199 ГПК РФ срока, на который может быть отложено составление мотивированного решения суда или установленного ст. 214 ГПК РФ срока высылки копии решения суда лицам, участвующим в деле, но не присутствовавшим в судебном заседании, в котором закончилось разбирательство дела, если такие нарушения привели к невозможности подготовки и подачи мотивированной апелляционной жалобы, представления ее в установленный для этого срок.

Группа 2 — оценочные понятия, не имеющие нормативного определения, однако раскрывающиеся и конкретизирующиеся в актах высших судебных органов Российской Федерации: постановлениях Конституционного Суда РФ (КС РФ), постановлениях Пленума Верховного Суда РФ (Пленум ВС РФ), постановлениях Президиума и Судебных коллегий Верховного Суда РФ (злоупотребления процессуальным правом, разумный срок, разумные пределы, внутреннее убеждение судьи, соразмерность мер обеспечения иска и др.).

Таким примером является критерий «разумности» при возмещении судебных расходов на оплату услуг представителя. В ч. 1 ст. 100 ГПК РФ содержится общее указание о том, что стороне, в пользу которой состоялось решение суда, по ее письменному ходатайству суд присуждает с другой стороны расходы на оплату услуг представителя в разумных пределах. Однако в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», конкретизируется, что разумными следует считать такие расходы на оплату услуг представителя, которые при сравнимых обстоятельствах обычно взимаются за аналогичные услуги. При определении разумности могут учитываться объем заявленных требований, цена иска, сложность дела, объем оказанных представителем услуг, время, необходимое на подготовку им процессуальных документов, продолжительность рассмотрения дела и другие обстоятельства. Разумность судебных издержек на оплату услуг представителя не может быть обоснована известностью представителя лица, участвующего в деле.

Группа 3 — оценочные категории, не имеющие расшифровки ни в процессуальных нормах, ни в судебной практике. Такие оценочные понятия имеют только научное толкование и определение. Исключительно доктринальные оценочные понятия представляют самые сложные и противоречивые случаи их применения в гражданском судопроизводстве, поскольку единственным ориентиром для судьи при применении конкретного оценочного явления являются принципы цивилистического процесса, а также высказывания и комментарии видных ученых-правоведов (правовая доктрина).

Например, к законодательно установленным требованиям законности и обоснованности судебного решения доктринально выработаны дополнительные требования: полнота как необходимость содержания в решении ответов на все заявленные требования и возражения лиц, участвующих в деле; определенность как ясное выражение в решении выводов суда об удовлетворении или неудовлетворении иска, определение прав и обязанностей сторон; безусловность как невозможность поставить исполнение решения в зависимость от наступления определенного условия [4, с. 214].

К третьей группе оценочных понятий относится категория «судебное (судейское) усмотрение», которое раскрывается в научных исследованиях и монографиях [5, с. 4]. Так, А. Т. Боннер судебное усмотрение понимает как деятельность суда по отысканию наиболее оптимального решения в общих рамках закона, которая обусловлена поставленными перед судом задачами, соответствует интересам государства и общества и основана на познании объективной действительности [6, с. 35]. О. А. Папкова под судебским усмотрением понимает урегулированный нормами, осуществляемый в процессуальной форме специфический вид правоприменительной деятельности, сущность которого заключается в предоставлении суду в соответствующих случаях правомочия разрешать спорный правовой вопрос исходя из целей, преследуемых законодателем, принципов права и других общих положений закона, конкретных обстоятельств дела, а также начал разумности, добросовестности, справедливости и основ морали [7, с. 318].

Анализируя выделенные группы оценочных понятий и свойства, присущие категории «правовая определенность», можно заключить, что данное явление относится ко второй группе оценочных понятий, содержание которых раскрывается в судебной практике различного уровня, а именно: в постановлениях ЕСПЧ и КС РФ.

Так, ЕСПЧ связывает правовую определенность с требованием определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы («Лопеш де Соуза Фернандеш (Lopes de Sousa Fernandes) против Португалии»: Постановление ЕСПЧ от 19.12.2017 (жалоба N 56080/13)); рассмотрением дела компетентным судом, созданным на основании закона («Шайхатаров и другие (Shaykhatarov and Others) против РФ»: Постановление ЕСПЧ от 15.01.2019 (жалоба N 47737/10 и четыре другие)); соблюдением разумного срока судопроизводства по делу («Сукобльевиц против Хорватии» (Sukobljevic v. Croatia): постановление ЕСПЧ от 02.11.2006 (жалоба N 5129/03); «Лелик (Lelik) против России»: постановление ЕСПЧ от 03.06.2010 (жалоба N 20441/02)); невозможностью пересмотра и отмены окончательного судебного постановления («Шейман (Sheyman) против РФ»: постановление ЕСПЧ от 21.06.2016 (жалобы N 7873/09 и 8174/09), «Брумареску против Румынии» (Brumarescu v. Romania): постановление Большой Палаты ЕСПЧ от 28.10.1999 (жалоба N 28342/95), «Садкова и другие (Sadkova and Others) против РФ»: Постановление ЕСПЧ от 04.04.2017 (жалоба N 17229/06 и 11 других)); рассмотрением дела только при надлежащем извещении участников процесса («Хлыстов и другие (Khlystov and Others) против РФ»: постановление ЕСПЧ от 08.03.2018 (жалобы N 19061/12, 45497/12, 72725/12, 9614/14, 6238/17 и 11256/17); своевременным исполнением судебного акта («Лебедев (Lebedev) против РФ»: постановление ЕСПЧ от 20.03.2018 (жалоба N 6705/07), «Сергеев и другие (Sergeyev and Others) против РФ»: постановление ЕСПЧ от 06.03.2012 (жалоба N 28309/03, 28318/03, 28379/03, 17147/04, 19131/04, 43601/05, 32383/06, 32485/06, 34874/06, 40405/06 и 45497/06)); запретом на злоупотребление правами («Ганс Йорг Шиманек (Hans Jorg Schimanek) против Австрии»: решение ЕСПЧ от 01.02.2000, «Васыленко (Vasylenko) против Украины»: решение ЕСПЧ от 18.10.2011 по делу (жалоба N° 25129/03)) и др.

В постановлении ЕСПЧ от 18 ноября 2004 г. по делу «Праведная против России» (Pravednaya v. Russia) (жалоба N 69529/01) дается толкование категории «правовая определенность» как свойства судебного акта, предполагающего устойчивость, стабильность судебных постановлений, вступивших в законную силу, уважение правила *res judicata*, в связи с чем основное бремя пересмотра должно ложиться на ординарные судебные инстанции, а закрепление в законе экстраординарных способов обжалования и (потенциально) проверки требует соблюдения ряда условий: создание специальной процедуры пересмотра, зависящей не только от обращения заинтересованных лиц; закрепление ограниченного перечня оснований для отмены вступившего в законную силу судебного акта; наличие пресекательных сроков, в течение которых может быть инициирована проверка; устранение многоинстанционной и неоднократной возможности проверки судебных актов.

В постановлении от 18.01.2007 по делу «Кот против РФ» (жалоба N°. 20887/03) Европейский Суд придерживается ранее высказанного подхода, указывая, что вступившее в силу и подлежащее исполнению судебное решение может быть изменено только в исключительных обстоятельствах, любые ошибки и упущения должны устраняться посредством обычного обжалования в суды апелляционной и/или кассационной инстанций. Обратная ситуация приводит к нарушению принципа правовой определенности.

На национальном уровне Конституционный Суд Российской Федерации разделяет позицию ЕСПЧ относительно толкования правовой определенности, сохраняя преемственность в данном вопросе. При этом КС РФ придерживается плюралистического подхода при определении понятия «правовая определенность», толкуя и применяя его в разнообразных качествах: принцип права, свойство права, критерий правовой нормы и поведения, качество судебного постановления, требование к правовой норме и судебному постановлению, критерий окончательности судебного акта.

Впервые требование определенности как конституционный принцип и одновременно критерий конституционности было обосновано в постановлении Конституционного Суда РФ от 25.04.1995 № 3-П, в котором Суд указал, что «общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, поскольку такое равенство может быть обеспечено только при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями».

В последующей практике Конституционный Суд РФ связывал правовую определенность с определенностью правовой нормы и указывал, что закон должен отвечать установленному Конвенцией стандарту, требующему, чтобы законодательные нормы были сформулированы с достаточно четкостью и позволяли лицу предвидеть, прибегая в случае необходимости к юридической помощи, с какими последствиями могут быть связаны те или иные его действия.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 06.07.2018 N 29-П подчеркнул, что возможность преодоления окончательности вступивших в законную силу судебных актов, будучи исключительной по своему характеру, предполагает установление таких процедур и условий их пересмотра, которые отвечали бы требованиям правовой определенности, обеспечиваемой признанием законной силы решений суда, их неопровержимости, что применительно к решениям, принятым в обычных судебных процедурах, может быть преодолено в том случае, если какое-либо новое или вновь открывшееся обстоятельство или обнаруженные фундаментальные нарушения неоспоримо свидетельствуют о судебной ошибке, без устранения которой компетентным судом невозможно возмещение причиненного ущерба.

Часто в актах конституционного контроля «правовая определенность» связывается с надлежащим правовым регулированием, установлением надлежащих правил и режимов. Так, в своем Постановлении от 10.07.2018 N 30-П КС РФ подчеркнул конституционную природу принципа правовой определенности и указал, что принцип правовой определенности, равно как и принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, вытекающие из норм Конституции РФ, предполагают установление правового регулирования, адекватного ожиданиям собственников (пользователей) помещений в многоквартирном доме и стимулирующего их к установке (замене) и обеспечению сохранности индивидуальных приборов учета тепловой энергии, эффективному потреблению тепловой энергии и одновременно выполняющего функцию превенции противоправного поведения.

Завершая анализ правовой определенности как оценочного явления, можно заключить, что категория «правовая определенность»:

- 1) носит оценочный характер и содержательно раскрывается судом индивидуально в каждом конкретном случае при рассмотрении жалобы (заявления, обращения);
- 2) относится к группе оценочных понятий, толкование которых отражается в судебной практике, приобретая впоследствии обязательный для правоприменителя характер;
- 3) по содержанию является многоаспектным правовым явлением.

Выявленные в практике ЕСПЧ и КС РФ характеристики правовой определенности свидетельствуют о том, что содержательное наполнение категории «правовая определенность» разнообразно, не исчерпывается отдельными аспектами, постоянно варьируется и конкретизируется. Список проявлений правовой определенности является открытым и условным, поскольку может дополняться по мере накопления практики ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ, выявляющей случаи, противоречащие началу правовой определенности, одновременно усложняя процесс применения данной категории.

Спектр проявлений «правовой определенности» является многообразным. Можно отметить отсутствие исчерпывающего перечня проявлений (аспектов) «правовой определенности», что периодически подтверждается новыми научными исследованиями, регулярно обновляемой судебной практикой, а также разнообразием общественных отношений.

Подобный подход поддерживается и рядом ученых. С. Ф. Афанасьев, рассматривая принцип правовой определенности как один из аспектов права на справедливое судебное разбирательство, подчеркивает подчиненность данной категории более объемному и богатому по своему значению и имманентной сути понятию «верховенство права», квинтэссенция которого не статична, а изменяется, иногда пополняясь по воле Европейского Суда по правам человека [8, с. 17].

По верному утверждению М. В. Преснякова, «правовая определенность представляет собой весьма эклектичное понятие, объединяющее самые различные требования к качеству закона и правоприменительной практики: например, в одном ряду здесь находится обязанность официального опубликования закона и недопустимость произвольного пересмотра вступивших в законную силу судебных актов» [9, с. 32] (см. также [10]). Этим объясняется то, что попытки дать единое понятие правовой определенности в литературе предпринимаются довольно редко.

Подобная вариативность позволяет вести речь о правовой определенности как своеобразном правовом феномене оценочного характера, разнообразные проявления которого имеют специфические характеристики и содержательно наполняются своеобразными качествами и свойствами в зависимости от того доминирующего аспекта, который становится приоритетным в конкретном случае.

Библиографический список

1. Масаладжиу Р. М. Принцип правовой определенности в науке, практике ЕСПЧ и его влияние на доступность правосудия на стадии надзорного производства в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 7. С. 22–25.
2. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. 2-е изд., перераб. М., 2008. 752 с.
3. Иеринг Р. Юридическая техника / сост. А. В. Поляков. М., 2008. 231 с.
4. Арбитражный процесс : учебник / отв. ред. В. В. Ярков. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2014. 848 с.
5. Абушенко Д. Б. Судебное усмотрение в гражданском и арбитражном процессе. М., 2002. 176 с.
6. Боннер А. Т. Советский закон и судебное усмотрение // Советское государство и право. 1979. № 6. С. 46–52.
7. Папкова О. А. Усмотрение суда. М., 2005. 413 с.
8. Афанасьев С. Ф. Право на справедливое судебное разбирательство и его реализация в российском гражданском судопроизводстве : монография. М., 2009. 296 с.
9. Пресняков М. В. Правовая определенность и принцип разумной сдержанности законодателя: проблема формальной и материальной правовой определенности // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 4. С. 32.
10. Рехтина И. В. Многоаспектный характер категории «правовая определенность» в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации // Конституция Российской Федерации: декларация и реальность : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 25-летию принятия Конституции РФ / под ред. Е. С. Аничкина. Барнаул, 2018. 209 с.